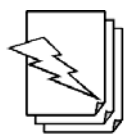

EDITA

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ ОБЪЕДИНЕНИЯ EDITA GELSEN E.V.

**ВЫПУСК 1(59)
2015**

Содержание

РАССКАЗ

Юлия Крюкова	3
Джон Маверик	8
Светлана Васильева	10
Владимир Семенякин	12
Денис Тарасов	16
Алексей Корепанов	18

СТИХИ

Камелия Санрин	20
Татьяна Помысова	22
Дмитрий Константинов	23

ПРОЗА

Анна Райнова	24
Кирилл Берендеев	31
Галактион Меньших	38
Сергей Игнатьев	41
Влад Копернин	47

РИФМА

Светлана Мель	51
Александр Гуцин	52
Вера Сучкова	53

ПИСЬМА

Ирина Малыгина	54
----------------	----

СКАЗКА

Татьяна Томах	59
Екатерина Бакулина	61
Евгения Халь, Илья Халь	64
Светлана Тулина	66
Ольга Денисова	69

ИРОНИЯ

Олег Поль	70
-----------	----

Что нового?

<http://www.editagelsen.de/>

<http://edita-b.livejournal.com/>

Импрессум

EDITA, Ausgabe 1(59), 2015

Verleger: Literaturverein „Edita Gelsen e.V.“

Postfach 100304, 45803 Gelsenkirchen

Fax: 0209/1702689

Verantwortlich i.S.d.P. A.Barsukov

E-Mail: logobo@gmx.de

Druck – hauseigener Betrieb

ISSN 1866-6310

Выходил ежеквартально

В связи с увеличением объема критических и полемических материалов редакция сообщает: мнения редакции и авторов публикаций не обязательно совпадают.

РАССКАЗ

Юлия Крюкова

Сосновоборск,
Красноярский край

НА РЕКЕ

Если вы не знаете слов «пешня», «гачки», «шкерить» или «строганина», если вы не верите в то, что в болоте нельзя утонуть, а чайки — это обычные помойные птицы, значит, вы приехали с большой земли, с материка. А приезжего ни за что не поведут за помощью к Славке, так же, как никто не повел бы чужака к Славкиной бабке Домне, пока она еще была жива. Так что эта мысль даже не пришла в голову Виктору Чистову, когда сезонник Серега пожаловался мужикам из бригады, что кто-то за ночь обобрал его сети. Серега, в общем, был хорошим парнем, — на материке у него остались жена и маленькая дочка, — он приехал подзаработать на время навигации, не халтурил и не ныл, когда пришло время вкалывать на причале по двенадцать часов с перерывом на сутки. И все равно — он оставался чужаком.

Но когда кто-то пошарил в Володькиных сетях, а потом и в Колькиных, да и сети самого Виктора вот уже две недели зияли пустыми ячейками, как раскрытыми голодными ртами, мысль о разговоре со Славой стала казаться такой заманчивой! Однако он все равно сказал себе: «Нет», хотя день ото дня эта идея становилась все навязчивее. Не было ни одной смены в порту, которая не начиналась бы с обсуждения — чьи сети на этот раз оказались пустыми. И во время каждого такого разговора Чистов думал о том, что надо все-таки пойти и обсудить все со Славой. Тем более что и идти-то далеко бы не пришлось — он почти всегда был или в бригадном вагончике или на причале. Можно было поговорить и в промежутке между тем, когда он закончит раздавать наряды на день, — сегодня грузим технику, завтра металл, — и пойдет смотреть как два ряда кранов перемещаются по рельсам — первые захватывают груз с корабля, вторые перебрасывают в вагоны. Но каждый раз Виктор находил различные причины, чтобы не начинать этот разговор. Хотя на самом деле причина была всего одна. Но когда дело касалось Славки и реки, и одной причины было более чем достаточно.

За помощью к Славке обращались часто. Практически каждый в бригаде, у кого внезапно разболелся зуб, или вылез «ячмень», или во время навигации, — в самое денежное время! — подскочила температура, заходил к нему хотя бы однажды. Ему приносили маленьких детей, когда те начинали плакать и никак не могли остановиться. Когда у самого Славки родилась Ольга, Виктор много раз видел, как отец успокаивал ее: Галка, Славина жена, передавала ему заходящуюся от крика Ольгу, а он брал ее на руки и дул в рот. И все — тишина. Галина как-то обмолвилась, что много раз пробовала повторить этот трюк, но ничего не происходило, как она сказала — это было специальное Славкино волшебство. Об этом было известно всем. Но кое-что еще происходило только между Славкой и рекой, и Виктор был, пожалуй, единственным кто знал об этом. Как и в любом маленьком городке, здесь тоже то и дело всплывали, а затем испарялись различные слухи, но Виктор видел собственными глазами. Или думал, что видел. И пусть в то

лето ему было всего шесть лет и с того дня прошло уже очень много времени, видение того, как набежавшая из ниоткуда волна лизнула самодельный плот, частенько тревожило его по ночам.

Он познакомился со Славкой холодным даже по северным меркам летом 1962 года, когда его семья перебралась из балка в кирпичный дом на улице Толстого. Эти дома были первыми высотками в городе — целых четыре этажа! Зимой их окна в балке заваливало снегом почти под самую крышу, но сейчас, Витька знал совершенно точно, их квартира будет на третьем этаже и сугробы останутся далеко внизу. Он был всецело поглощен переездом — помогал матери паковать тюки, которые отец потом грузил на специально вызванный по такому случаю грузовик, и внутри его худой груди все как-то сладко екало и трепыхалось. Когда они въехали в свой новый двор, сидящий на тюках в кузове Витька заметил недалеко от их подъезда больше десятка лодочных сараев, а еще повсюду, где только можно было зацепиться корнями, росли ромашки. Целое ромашковое поле, за которым был виден широко разлившийся темный и какой-то густой Енисей. В тот день родителям пришлось несколько раз возвращаться в балок за вещами, и Витьку оставили в новой квартире караулить добро. Дождавшись, пока родители, наконец, уйдут, он отправился в экспедицию по квартире. Сначала он обследовал «дальнюю комнату», как назвала ее мама, и решил, что она будет «его комнатой», загроможденный тюками зал он уже видел, на кухне была мойка и печка с дымоходом, а под подоконником, за небольшими дверцами, скрывалась ниша с полочками — держать готовую еду в прохладе (это Витьке объяснил отец). В коридоре обнаружилась еще одна дверь, которая вела в маленькую темную комнату, где стоял странной формы стул с трубой и веревочкой... Через мгновение после того, как Витя потянул за веревочку, он уже мчался вниз по лестнице, позабыв о том, что ему поручено не отходить от вещей ни на шаг — за его спиной шумел горный поток.

На втором этаже он влетел в открытую дверь чьей-то квартиры и бросился к высокой полной женщине, которая вышла в коридор на его крики.

— Тетенька, тетенька, там вода!

Она обхватила его за плечи, и мальчишка ткнулся головой ей куда-то под грудь. Женщина отстранилась и заглянула перепуганному Витьке в глаза. Так он впервые увидел бабку Домну, которая показалась ему очень высокой. Ее скуластое темное, почти без морщин, лицо было совершенно спокойно, только черные брови слегка дрогнули. О том, что ей уже много лет, Витька догадался по седым прядям, перевитым в темной косе, как вплетенная лента. Повернувшись в сторону комнат, она позвала:

— Слава!

В коридор вышел высокий худенький пацан немного старше Витьки, черноволосый и весь какой-то угловатый. Как потом сказала Витькина мама: «татарчонок». Бабка сказала ему:

— Славик, иди, помоги мальчику.

Мальчишки поднялись в Витькину квартиру, которая снова наполнилась тишиной, вошли в маленькую комнату со странным стулом и веревочкой (Славка предварительно включил там свет), и сосед очень серьезно, без тени снисходительности, на которую успокоившийся Витька мог всерьез обидеться, объяснил, что к чему.

— Как тебя звать-то? — спросил он, уже уходя.

— Витька.

— Выходи вечером во двор, по трубам полазим.

Так за один день в Витькиной жизни произошли три неравнозначных, но одинаково ярких события: он переехал в высокий кирпичный дом, впервые в жизни увидел унитаз и нашел лучшего друга, которого может заполучить человек в шесть лет — Славку.

Тем же вечером Славка Захаров научил его лазать по трубам, на Севере из-за мерзлоты их никогда не зарывают в землю, и они торчат из нее массивными буквами «П». Он легко шагал впереди, засунув руки в карманы поношенных брюк, не замечая толстые проволочные обручи, стягивавшие деревянную обшивку, и выкрикивал, чтобы шедшему позади Витьке было лучше слышно: «В затылок мне смотри, не гляди вниз, свалишься!». Продолав это первое в Витькиной жизни опасное путешествие, они сидели на земле среди ромашек, и Славка пообещал, что весной возьмет Витьку с собой на подледную рыбалку. Мальчик легко представил, как они станут вытягивать из лунок пахнущую свежим огурцом корюшку, и та мгновенно будет покрываться ледяной корочкой, как глазурью. В этот момент Витька был совершенно, безоговорочно счастлив! А спустя пару недель Славка спас ему жизнь. Ни больше — ни меньше...

Витька уже пятнадцать минут слонялся по двору, поджидая своего друга, когда услышал отчаянный собачий визг, доносящийся со стороны лодочных сараев. Он подумал, что собака могла запутаться в забытых кем-то рыбацких сетях, и поспешил на помощь. Он торопливо шел, ориентируясь на собачий голос, и застыл, почти уткнувшись в спины троих мальчишек, которые, судя по росту, были гораздо старше него. Они, не переговариваясь между собой, очень сосредоточенно обстреливали камнями некрасивую, в неаккуратных клочках шерсти, собаку, которая металась в углу, образованном двумя сараями, и издавала совершенно человеческие крики. Каждый раз, когда метко брошенный камень впивался ей в бок или попадал в лапу, она поднимала голову к небу и причитала: «Ай-яй-яй!».

Витька понимал, что ему ни за что не справиться с тремя старшими ребятами, даже с одним он не смог бы потягаться, но каждый собачий визг буравчиком вонзался в его мозг. Он собрался с духом и, как только мог грозно, спросил:

— Вы чего делаете-то?

Троица неторопливо обернулась на его голос, и самый рослый из них, с вихрами цвета соломы, вяло заинтересовался:

— А тебе-то чего?

— Пустите собаку!

— А то что? — нахально заинтересовался крепыш. Двое его товарищей усмехнулись и смерили Витьку презрительными взглядами.

— Я все взрослым расскажу! — запальчиво ответил Витька, и тут же понял, как беспомощно прозвучала его фраза.

— Ну конечно, — согласно кивнул вихрастый, — их же здесь полным-полно.

Пока Витька пытался сообразить, что же ему предпринять дальше, собака прокралась вдоль сарая и припустила наутек. Ее побег не остался незамеченным — вслед полетело несколько камней, но Витя с радостью отметил, что они не достигли цели. Он сделал несколько шагов назад, посчитав свою задачу выполненной, но тут вихрастый мальчишка подобрал с земли увесистый камень и легко метнул его в лопухую Витькину голову. От удара в голове

загудело, а по лбу и переносице потекло что-то липкое и теплое. Сквозь навалившийся туман он заметил, что старшие пацаны торопливо собирают разбросанные вокруг камни, и принял единственное спасительное решение — побежал. Из-за крови, заливавшей глаза, он с трудом понимал, куда именно несется. За спиной раздавался топот трех пар ног, и время от времени ему в спину или ногу больно вонзался брошенный преследователями камень. Петляя по тропинкам, он довольно поздно сообразил, что оказался в ловушке: перед ним широкой лентой стального цвета разливался Енисей, а позади тяжело дышали большие мальчишки. Витька испуганно заметался по самой кромке ледяной воды, лихорадочно соображая, как ему проскочить обратно к сараям, за которыми можно было спрятаться и передохнуть. В груди у него нестерпимо жгло, дыхание было прерывистым и со свистом прорывалось сквозь стиснутые зубы.

Кровь продолжала обильно течь из раны на лбу и Витька, слепо выставив вперед руки, двинулся на своих обидчиков. Те, видимо, решили, что он набрался храбрости и решил дать им сдачи, поэтому снова стали набирать в горсти прибрежных камней, пополняя растраченный во время погони запас. Но он и не думал драться, он просто очень остро, да какой-то щемящей тоски, захотел домой, а, как ему показалось в тот момент, найти дорогу с вытянутыми вперед руками будет гораздо проще. Он изо всех сил старался отогнать прочь мысль о том, то будет, если они камнями заставят его войти в воду, потому что из ледяной енисейской воды ему уже никогда не выбраться на берег.

— А ну-ка стойте! — раздался откуда-то издали знакомый и такой спасительный мальчишечий голос.

Витька остановился, отер залившую глаза кровь, и в приоткрывшиеся щелочки увидел, как большие пацаны побросали камни и настороженно следят за приближением Славки Захарова. Он удивился тому, как решительно звучал Славкин голос, и что его мучители слушались мальчишка, который был младше и слабее каждого из них.

— Отстаньте от него, — сказал Славка, подойдя уже совсем близко. — Это мой друг. Витька, иди сюда.

Мальчишка, даже не стесняясь того, что напуган, бросился к Славке и встал за его спиной. Захаров продолжил свое неспешное наступление, и теперь уже опасная троица, пятясь, добралась до края воды. Все это время он держал руки в карманах своей мешковатой курточки, но сейчас вытащил на свет плоский камешек и ловко пустил его по воде. Почти уже успокоившийся Витька с восторгом насчитал восемь отлично испеченных «блинчиков».

— Отстаньте от него, не трожьте! Понял, Виталька? — обратился Славка к вихрастому заводиле.

Тот собрался было возразить, но внезапно набежавшая волна, — а Витька, несмотря на свой испуг, заметил, что по реке не прошло ни одной баржи или лодки, — лизнула его ноги холодным языком. Вздрогнув от неожиданности, Виталька отпрянул от воды и немного растеряно кивнул патлатой головой. Славка подошел к Вите и, оглядев рассеченную на лбу кожу, сказал:

— Умыться надо.

Он провел Витьку мимо старших мальчишек, потерявших воинственный настрой, и слегка подтолкнул к реке. Витька присел на корточки, зачерпнул ледяной енисейской воды, которая обожгла и успокоила рану на лбу. Он немного посидел так, втирая в кожу холодную речную воду, а когда обернулся, старших пацанов уже не было. Славка сидел

неподалеку и спокойно перебирал гладкие цветные камешки.

— Почему они тебя послушались. — Спросил Витька, садясь рядом.

— Это из-за бабки Домны.

— А она у тебя кто?

— Она у меня мировая! — Славка открыто и очень счастливо улыбнулся. — Она людей лечит, а некоторые тут, всякие, говорят, что она ведьма.

— А она ведьма?

— Да нет же, говорю, она лечит.

— А-а-а. — немного разочарованно протянул Вита.

— Чего они к тебе привязались? — Славка мотнул головой в сторону, куда убралась троица мальчишек.

— Они собаку камнями били. А я заступиться хотел.

— Правильно бабка Домна отказалась Витальку лечить, — уверенно проговорил Славка.

— А почему отказалась?

— Живодер он, — Славка поднялся и отряхнул штаны.

— Пошли, она тебя на пирог с рыбой звала. Нам сегодня сига принесли.

Витька поднялся и пошел вслед за другом. Всю дорогу до дома он думал о том, откуда накатил волна, лизнувшая ноги его обидчика. Слово Енисей попробовал его на вкус.

***

Каждый раз, когда Виктор думал о том, что же все-таки заставило его поговорить со Славой, перед его глазами вставала одна и та же картина: его жена, Леночка, маленький смешной воробушек, в кухонном переднике, делавшем ее похожей на школьницу, плачет над скороваркой. Он знал ответ: все дело было в капусте.

В конце восьмидесятых жизнь понеслась куда-то сломя голову и не разбирая дороги. Прилавки магазинов поражали широким ассортиментом пустоты. И вот, в самом начале рабочего дня, по причалу пронесся слух, что на городскую свалку вывезли подмороженные за зиму и затяжную холодную весну кочаны. Уже к обеду по свалке бродили прилично одетые люди, стараясь не замечать друг друга, и виновато улыбаясь, случайно столкнувшись взглядами. А к вечеру запах тушеной капусты накрыл весь город.

Когда, отработав смену, Виктор вошел в подъезд удручающая вонь подгнивших овощей окутала его прямо с порога. Пока он поднимался на третий этаж, она осела на робе, впилась в кожу рук и лицо. В квартире над скороваркой плакала Лена.

— Эта вода никак не выпаривается! — Она посмотрела на мужа широко распахнутыми глазами. — Эта чертова вода никак не выпаривается!

Она отшвырнула в сторону ложку, та звонко стукнулась о край раковины и скрылась под столом, подальше от человеческого гнева.

— Ненавижу капусту!

Виктор вошел на крошечную кухню, осторожно притянул к себе жену и поцеловал ее в висок. Он был соленным. Каким-то образом слезы растеклись по всему ее лицу.

— А я люблю, — сказал он, присаживаясь на табуретку и пристраивая Ленку к себе на колени, — всю зиму квашеную ели, а эта почти свежая. Давай ужинать, хорошо? Так есть хочется! Накрывай, я умоюсь пока.

Лена в последний раз хлопнула носом и кивнула.

— А Мишка где? — прокричал он из ванной, стараясь заглушить шум воды.

— Я его к маме отправила, они с отцом оленины достали, пусть хоть поест нормально, — откликнулась из кухни Лена.

Достали оленины. Виктор поплескал водой себе в лицо и посмотрел в небольшое зеркало над раковиной. Тридцать два года, жена, сын, работа, есть деньги — пусть небольшие, но до недавнего времени их хватало, чтобы прокормить их всех и раз в год отправлять сына на море. Но не теперь. Он вспомнил, как всего пару дней назад Славка со смехом рассказывал о том, как стоял в очереди за курами вместе с дочерью. Как только отдел в магазине открылся — толпа оторвала их друг от друга и Ольгу тесно прижали к прилавку. Она схватила две крупные курицы и бросила их над головами других покупателей прямо в Славкины руки, пока он, пятясь, отступал к кассам.

— Жалко, нет у нас баскетбольной секции, — хохотал Славка, — сплошные были трехчковые!

Он умел останавливать кровь, сбивать температуру, успокаивать плачущих детей и видеть смешное там, где другие готовы были впасть в отчаяние — это тоже было специальное Славкино волшебство. Вода продолжала сливаться в раковину, а Виктор все думал о Ленке, о пропитавшем все квартиру капустным запахом и о том, что кто-то чужой вот уже больше месяца шарит по рыболовным сетям. Что это именно чужой, Витька был уверен. Свои так не поступили бы никогда. Потому что это Север. Потому что в вечной мерзлоте нельзя вырастить урожай. Потому что новый завоз еще не начался, а остатки картошки в магазинах можно было распродавать стаканами — такой она была мелкой. И вся надежда теперь была на реку и рыбу, что плавала в ее глубине. И никто из своих не посмел бы отнять эту надежду. Виктор считал, что и инспекторы Рыбнадзора не имеют отношения к пропаже улова, потому что те тоже были своими и знали, что теперь для того, чтобы купить курицу, требуются навыки баскетболиста. Доедая тушеную капусту, которая на вкус была как ожившая свой век промокашка, Виктор решил, что поговорит со Славой завтра.

Позже, лежа в постели, переплетая ногами с Ленкой и вдыхая теплый запах, исходящий от ее затылка, он думал о том, что Славка не откажется договориться с рекой, как это уже было однажды, и Енисей заберет к себе этих чужаков, которые лишают людей надежды на нормальную жизнь. Заберет, а потом вернет с застывшими в гримасах ужаса лицами, с вытаращенными, остановившимися глазами и скрюченными в судорогах пальцами. Так же, как он забрал задиру-Витальку холодным летом 1962 года, после того как они со Славкой нашли ту самую некрасивую лохматую собаку, когда играли в прятки среди лодочных сараев.

Витька увидел ее первым. Он как раз искал Славку, который всегда так здорово прятался, когда заметил собачью лапу, торчащую из травы. Он подбежал и сразу резко отвернулся, но все же успел разглядеть оскаленную пасть с вывалившимся языком, по которому ползали жирные мухи. Сначала он думал, что его вырвет, но вместо этого опустился на колени и громко, навзрыд, заплакал. На его плач медленно прибежал Славка и стал трясти за плечи:

— Что? Что?!

— Это она кричала: «Ай-яй-яй!», — задыхаясь от слез, Витька замахал руками в сторону мертвой собаки.

Славка поднялся и подошел к собачьему трупу.

— Камнями забили, сволочи, — проговорил он. — Пошли.

Он поднял Витьку и увел подальше от сараев. Они вернулись во двор, сели на крылечко, и Витька, вытирая слезы, попросил:

— Слав, ты только никому не говори, что я расплакался, как маленький.

— Ты и есть маленький, — очень серьезно ответил Славка. — Но я никому не скажу, обещаю.

Он немного помолчал и добавил:

— Иди-ка домой, умойся, а то все лицо в земле.

— Хорошо, — покладисто согласился Витька, — А ты меня подождешь?

— Подожду.

Но когда спустя несколько минут он снова выбежал во двор, Славки нигде не было, и бабка Домна сказала, что домой он не возвращался. Можно было поискать его среди сараев, но подходить к ним снова, зная, что там лежит мертвая собака, Витька боялся. Он немножко посидел на крылечке, а потом решил пройтись до реки. Может, Славка тоже заплакал и просто не хотел, что бы его видели?

Витя действительно нашел Славку у Енисея, но тот не плакал. Он стоял и смотрел, как недалеко от берега, не замечая, что за ним присматривают, на самодельном плоту катался Виталька. Старший мальчишка размашисто отталкивался шестом от речного дна и смотрел в противоположную от Славки сторону. Витька уже было собрался окликнуть своего друга, когда тот первым подал голос.

— Эй, ты! — окликнул он стоявшего на плоту мальчишку.

Тот обернулся и раздраженно спросил:

— Чего надо?

— Греби сюда, разговор есть!

— Да пошел ты! Иди мелюзге своей сопли подтирай! — Он хохотнул и снова оттолкнулся шестом от дна, удаляясь от Славки.

— Ты здесь не один умеешь камешки кидать! — крикнул ему Славка. И точно в доказательство своих слов вынул из кармана штанов пригоршню камней.

Витька еще подумал, что Славке вряд ли удастся попасть камнем в Витальку — все-таки тот был довольно далеко, но Славка и не подумал целиться в патлатого пацана; он легко взмахнул рукой и пустил по воде блинчик. Виталька громко фыркнул, а Славка бросил подряд еще три или четыре камешка.

И снова, как в прошлый раз, появившаяся из ниоткуда волна окатила берег. Поначалу Виталька не выказал никаких признаков беспокойства, пока волна не усилилась и не качнула плот, словно проверяя его устойчивость. Мальчишка попытался выровнять его шестом, упершись в дно, но река потащила плот дальше от берега, все сильнее раскачивая из стороны в сторону. Когда вода, словно студенистая, прозрачная рука, погладила поверхность плота, Виталька закричал:

— Позови кого-нибудь, слышь, ты?!

Витьке показалось, что он услышал в его голосе нотки паники. С берега совершенно спокойно отозвался Славка:

— Тебе что, помощь нужна?

— Пойди, позови кого-нибудь, придурок! — заорал с плота Виталька. Вода все быстрее и быстрее заползала на плот то с одной, то с другой стороны, постепенно подбираясь к Виталькиным ногам и стараясь нашарить его ступни. Мальчишка заметался по плоту, стараясь избежать прикосновения Енисея и тщетно пытаясь нащупать шестом речное дно. — Меня сейчас течением унесет!

— Хорошо, — так же спокойно ответил Славка, то ли соглашаясь сходить за подмогой, то ли принимая тот факт, что Витальку унесет течением.

Новая волна навалилась на плот, притопила и нехотя соскользнула с его поверхности, захлестнув Витальку до колен и почти столкнув его с деревянного островка.

— Нет, стой! — снова прокричал мальчишка с плота. Он начал бояться, что этот псих с камешками уйдет и не вернется, в то время, как Енисей уносил плот все дальше от берега.

Славка только пожал плечами и пошел прочь от реки. Но Витька этого уже не видел, он убежал, потому что не хотел смотреть, как прозрачные руки слепо, торопливо и жадно подбирались то с одной, то с другой стороны к ногам плохого мальчика — дотронуться, погладить, схватить и утащить в глубину, где очень-очень холодно, очень темно и очень одиноко.

Три дня он прометался в бреду, вскрикивая всякий раз, когда мама меняла ему компресс. Ему казалось, что это Енисей добрался до него и гладит по разгоряченному лбу своей холодной мокрой рукой. Когда он выздоровел, Витальку уже успели найти и похоронить. Бабка Домна зашла к ним домой и сказала Витькиным родителям:

— Схоронили мальчишку. Поганец, конечно, был, но жалко все-таки — совсем дите.

Витька решил, что «схоронили» — значит «спрятали», зарыли поглубже, чтобы больше никто и никогда не видел его лица с выпученными глазами, а что оно именно такое, он не сомневался. За те ночи, что он метался в горячке, Виталька навещал его много раз. А двух других мальчишек, которые бросали камни в собаку, он больше ни разу не видел.

***

То, что произошло с Виталькой, Витя называл про себя «несчастливым случаем», так в те дни говорили взрослые. И эта мысль была спасительной, когда по ночам ему вдруг начинало казаться, что река забрала к себе мальчишку не случайно, а потому, что так захотел Славка. И теперь, по прошествии стольких лет, он был готов задать детскому другу прямой вопрос. Он проворочался всю ночь и задремал только под утро, проснулся с головной болью и еще полдня промаялся в квартире, собираясь с духом. Набравшись решимости, он спустился на второй этаж и с силой нажал на звонок.

Дверь ему открыла Ольга — рыжая, как ее мать, худая и высокая, как отец, в желтом домашнем сарафане и с всегдашней книжкой в руках. «Самый читающий ребенок в самой читающей стране» — как со вздохом говорила про нее Галка. Виктор попытался вспомнить, когда в последний раз сталкивался с ней во дворе, и не смог.

— Привет, дядь Вить, — Ольга шире распахнула дверь, приглашая его войти. — Мама на работе, а папа в магазин пошел. Заходите, я вам чаю налью.

На многое в жизни можно только надеяться: сбудется ли прогноз погоды, удастся ли разгрузить пришвартованную к причалу «морковку» точно в срок, но вот в чем можно было не сомневаться, так это в том, что каждый день после обеда, вернувшись из школы, в квартире Захаровых Ольга предложит зашедшему гостю чашку чаю.

Ей было около четырех лет, когда, вернувшись из детского сада, она спросила своего отца:

— Папа, почему со мной никто не играет? Я делюсь игрушками, мама сказала, чтобы я была хорошей.

Что он мог ответить? «Они бояться, что ты хлопнешь в ладоши, и у них повырастают хвосты»? Слава лучше других знал, что можно сколько угодно выводить «ячмени» и снимать головную боль, можно работать кем угодно, но при этом в реестре таинственной небесной канцелярии числиться «главным специалистом по одиночеству». Потому что, несмотря ни на что, люди всегда будут бояться того, чего не понимают. Виктор допивал вторую чашку чаю, когда в дверном замке провернулся ключ. Ольга оторвалась от книжки и поспешила в коридор.

— А вот и папа! — сказала она, обращаясь к Виктору, и глаза ее осветились ярким внутренним светом.

В этот миг Виктор позавидовал Славке, потому что очень сомневался, что при его появлении у сына, Мишки, лицо становится таким же счастливым.

Славка выслушал своего друга молча. Он только прихлебывал чай и время от времени кивал, когда Виктор рассказывал, как плакала Ленка и как вся одежда и мебель в доме пропиталась запахом водянистой капусты, и какая поганая вообще стала жизнь. Монолог получился какой-то сбивчивый, путанный, и Виктор, споткнувшись на полуслове, замолчал.

— Я тоже тут живу, Вить. Знаю.

— И сети, Слава! Что ж это за люди такие? — Он стукнул ладонью по столу и снова замолчал.

Он надеялся, что Слава как-то поможет ему высказать эту мысль, что терзала его почти все ночь. Но Славка тоже молчал и отрешенно смотрел в окно.

— Плохо без рыбы, Слава.

— Может, тебе денег дать?

— Да на что я их потрачу?

— Это верно.

— Слава, помнишь, в то лето, когда мы познакомились, Виталька утонул?

Захаров отвернулся от окна, и посмотрел Виктору прямо в глаза.

— Конечно.

— Помоги, Слав.

Слава несколько секунд смотрел на Витьку и еле заметное кивнул. Разговор закончился, но уходить как-то вот так, сразу, было неловко. И Виктор сказал:

— Ольга у тебя совсем большая стала.

— Вот еще год проучится и уедет. Как я буду без нее? — проговорил Слава с неожиданной тоской. — Вышла бы, что ли, замуж, да осталась.

— Ты же не один останешься, — сказал Виктор просто для того, чтобы что-нибудь сказать.

— Нет, Вить. Она одна меня любит, а всем остальным от меня что-то нужно.

Виктор вспыхнул и торопливо спросил:

— Хочешь, я на реку с тобой пойду?

Славка отрицательно покачал головой:

— Ты уверен, что хочешь это увидеть?

Виктор был совершенно уверен, что не хочет. Он не хотел видеть, как при свете незаходящего летними ночами северного солнца Енисей поцелует лодку, в которой так уверенно расселись чужаки — двое сезонников в фуфайках и свитерах с высоким воротом. Никто не пытался узнать, кем они были на материке, но в том, кем они были здесь, сомнений не оставалось — ворами. Витька не хотел думать, как река лизнет лодку холодным прозрачным языком, а потом волна начнет перебрасывать суденышко из стороны в сторону, как будто детские руки перебрасывают мяч. «Я

просто играю, — скажет она, — разве вам не весело?». А потом Енисей закружит, захватит лодку водоворотом, уцепится своими ледяными, в барашках пены, пальцами за борта и утащит чужаков на дно. Теперь у них будет сколько угодно рыбы. Если бы они захотели, то могли бы устраивать рыбный день ежедневно. Вот только едоки и главное блюдо поменялись местами — прежде чем их нашли, рыбы пировали целую неделю.

***

Около месяца спустя, ранним утром, когда улицы были еще пусты и камешки, застрявшие в каблуках болотных сапог, громко стучали по асфальту, Славка нес Ольгу на руках от самого причала. Ее длинные рыжие волосы болтались из стороны в сторону в такт его шагам.

Это произошло во время катания на катере, организованного для школьников, которые на время каникул остались в городе: немного танцев, чуть-чуть припрятанного в рюкзаках у мальчишек алкоголя, несколько сигарет, выкуренных тайком от сопровождавших молодежь преподавателей. Никто и не заметил, как именно это произошло: вот она стояла у лееров, глядя на воду и в следующий миг ее уже не было.

Когда он ее нашел, она лежала на боку на усыпанном камешками берегу, ее правая рука была пристроена под щекой, но то, что она не спит, Славка понял сразу. Речная вода омывала ее босые ноги, легкий ветерок шевелил край зеленого платья — русалка, которую застал врасплох рассвет.

Славка выбрался из лодки и присел рядом с дочерью на берегу.

— Олечка.

Глаза ее были закрыты, лицо покрыла мертвенная бледность, но он никак не хотел соглашаться с тем, что она уже не здесь. Неспящее северное солнце пробивалось через прибрежный кустарник, и тени скользили по Ольгиным губам, отчего казалось, что она пытается улыбнуться.

— Олечка.

Он вернулся к лодке, принес клетчатое одеяло, накрыл им свою дочь и снова сел рядом. Пошарив в кармане, вынул пачку сигарет и прикурил, пряча спичку в сложенных ладонях. Он слушал, как течет река, как где-то далеко кричат чайки, как шуршит за его спиной трава. Лодка покачивалась на мягкой волне. Закопав окурок на берегу, он поднялся, вошел в воду и вытащил лодку на берег.

— Пойдем домой, Олечка.

***

— Знаешь, что сказала Галка? — спросила Лена, когда они вернулись с похорон и сели по разным углам дивана.

— Ну?

— Слава так хотел, чтобы Ольга навсегда осталась здесь, что Енисей его услышал.

***

Виктор считал чем-то само собой разумеющимся, что Славка закончит свою жизнь на реке. Что однажды его просто обнаружат сидящим на берегу, смотрящим на воду, в мешковатой куртке с карманами, полными разноцветных камешков, и сердце его не будет биться. Но все произошло совсем иначе. Он просто уехал. В день, когда он сел на самолет, чтобы больше никогда не возвращаться, река вышла из берегов. Вода начала стремительно прибывать с самого утра, затопив причал так быстро, что краны просто